

Не раз мне доводилось писать о Владимире Крупине, и делал я это с удовольствием: писать о прижизненном классике – это честь. Да и поводы были приятные: как, к примеру, отмолчаться, когда Владимир Николаевич стал первым лауреатом Патриаршей литературной премии?..

Но на этот раз приступил я к эссе о Крупине с опаской. Причина опаски – славный юбилей Владимира Николаевича! Ох и велика опасность впасть в высокий слог, который не приемлет Крупин с его традиционной самоиронией. В литературных кругах давненько ходит байка о том, как однажды Крупин в вагоне метро увидел молодую красавицу, которая увлеченно читала его книгу «Живая вода». Воодушевленный столь наглядной любовью молодого поколения к своему творчеству, Владимир Николаевич подсел к девушке и сказал: «Девушка, а между прочим, книгу, которую вы так увлеченно читаете, написал я!». Девушка, не отрываясь от книги, лишь слегка подняла глаза на пристающего пассажира со словами: «Иди, дядя, проспи!». Показательно, что эту историю Крупин и сам не прочь рассказать – со смехом и самоиронично, не обижаясь на строгую читательницу.

...Целая эпоха прошла со времени моего личного «открытия» Крупина – это был его рассказ «Полонез Огинского» в журнале «Сельская молодежь»... А вот познакомиться лично с автором «Полонеза Огинского», уже к тому времени ставшего автором знаменитой «Живой воды» и других замечательных произведений, довелось мне много позже, в Москве, в правлении Союза писателей России.

Затем были встречи на Всемирном Русском Народном Соборе в храме Христа Спасителя. Неоднократно я был у Владимира Николаевича и Надежды Леонидовны в гостях на третьем этаже дома в Камергерском переулке. Квартира в доме находится рядом с Театральной площадью. Валентин Григорьевич и Светлана Ивановна Распутины всегда после окончания премьеры заходили к Крупиным, делились впечатлениями о просмотренном только что спектакле, пили чай или кофе.

Потом были встречи на замечательном Всероссийском литературном празднике «Сияние России» в Иркутске, который многие годы проходит, осененный именем Валентина Распутина, близкого друга Владимира Крупина. Результат моих личных встреч с Крупиным почетно красуется в шкафу – собрание книг Крупина с его автографами!

Мало кто знает, что вовсе не строгий и высоколобохмурый писатель, но именно веселый и с виду простой балагур Крупин был в свое время первым, кто поднял вопрос о том, что наше телевидение стремительно деградирует в сторону низкопробности и пошлости. Словно предвидел на десятилетия нынешнее скопление пошлости, которое являет собой сегодня российский голубой экран. Еще в советское время своим чутким на всякую низкопробность чутьем художника-словотворца Владимир Николаевич уловил общественную опасность такого телевидения, ныне наблюдаемую уже всеми. За критику советской действительности Владимир Николаевич был подвергнут, что называется, партийным «ре-

прессиям». Но не унывал: чай, не впервой русским писателям страдать за правду!

Я еще потому пишу это эссе с опаской, что не хочу сбиться в повествовании на прошедшее время – говорил, писал, критиковал... Впрочем, в случае с Крупиным прошедшее время не подходит вовсе: столько жизни, радостного отношения к окружающему миру (при глубоком понимании несовершенства этого мира) в этом человеке, что прошлое время никак не подходит писателю, который по сути не только писатель настоящий, но и писатель будущего.

Тем не менее решил я обойти вниманием многочисленные литературные награды и регалии Владимира Николаевича. Их много, но сейчас не о них, ведь самая главная награда – любовь читателей и глубокое уважение коллег – всегда при Крупине. При одном имени – Крупин! – не нужны никакие уточнения, так как понятно, о ком идет речь! Он у нас один, как одним-единственным был Распутин, который в далеком 1985 году, когда у Крупина вышла книга «Дорога домой», в своем предисловии к ней определил прозу Крупина как «нечто особое в нашей литературе, нечто выдающееся и на удивление простое...». Писатели, наделенные таким глубинным даром слова русского, являют в XX и XXI веке непреходящую крепость русской литературы.

Как и миллионы читателей, меня не устает восхищать талант Владимира Крупина видеть в малом большое, в личном, сокровенном – общенародное, умение видеть в повседневном, обыденном вечное, непреходящее... Все это и сделало его одним из самых любимых и читаемых писателей нескольких поколений читателей, включая нынешнее молодое поколение. Вспомним девушку в метро, читавшую книгу Крупина и не подозревавшую, что автор сидит рядом с ней!

А укрепляющийся с годами совершенно особый талант Крупина не впадать в уныние при виде несовершенного земного мироустройства, несомненно, объясняется его православностью – и как писателя, и как человека. Может, именно сегодня, когда Россия переживает время испытаний, ей пуще безжалостной правды нужны надежда, вера и любовь, чтобы в наше смутное время не впасть в отчаяние и уныние как самый страшный грех. Мой вам совет: если почувствуете, что близки ко греху уныния – перечитайте произведения Крупина! Вдохните полной грудью его живое слово и боритесь за жизнь, за детей, за себя, за Россию дальше!

А вот где сам Крупин берет силы, чтобы не унывать? Вот уже многие годы Владимир Николаевич совершает вместе со своими земляками Великоорецкий крестный ход в честь обретения в вятском селе Великоорецком чудотворной иконы святителя Николая в 1383 году. Видимо, сам процесс христианского единения с земляками и людьми, приезжающими на этот крестный ход со всей России, помогает не унывать. И, конечно, творческую и духовную подпитку писателю дает жена и семья, но об этом позже...

Крупин не станет поучать вас жизни в своих произведениях. Ему это не надо, потому что он интересный лирический рассказчик, который меньше всего прячется за вымышленного персонажа. Он не дистанцируется от своего лирического героя, чтобы читатель понимал автобиографичность многих произведений. Это дает ощущение максимальной подлинности, что не противоречит художественности, а питает ее.

И еще творчество Владимира Николаевича последнего времени уникально тем, что публицистика и художественная проза у него органичны своим слиянием. Отталкиваясь от реального факта, он ненавязчиво вы-

водит нас, читателей, на широкие художественные и нравственно-эстетические обобщения, воспитывает в нас умение мыслить шире и видеть дальше сиюминутного. На это способен редкий автор, который абсолютно доверяет читателю, настолько доверяет, что ведет с читателем диалог, оставляя нам право на собственное мнение. В произведениях Крупина, как я уже не раз писал, и в очередной раз укрепляюсь в этом мнении, уютно, светло, хорошо. Хочется войти в эти произведения и остаться там!

Живительный поэтический слог крупинской прозы узнаваем с первых абзацев, с первых предложений. Его «крупинки», наблюдения за повседневностью с точки зрения православного русского человека, – золотые россыпи-миниатюры, подобные солоухинским «камешкам на ладони», астафьевским «затесям». Уметь в малом жанре сказать о большом – великое и нечастое умение!

Православная проза Крупина классична и духовна в самом высоком смысле. И тем не менее, как у всякого выдающегося писателя, у Владимира Николаевича есть произведение, которое критики назвали бы титульным. Как «Война и мир» Толстого, «Преступление и наказание» Достоевского, «Царь-рыба» Астафьева, «Прощание с Матерой» Распутина...

Первая публикация повести «Живая вода» состоялась в журнале «Новый мир» в 1980 году. Не стареющая с годами повесть в жанре притчи, фантазмагории, где главный герой дед Сашка, как односельчане называют сторожа лесобазы Александра Ивановича Кирпикова, рассказывает сказку внучке Маше. Сказка ложь, да в ней намек: вятские мужики, как говорится, делегируют своего представителя на небо – рассказать Богу, как поживают, ну и заодно попросить живой воды. Получив, всю выпивают, посылают снова того же мужика за добавкой, да не на небо, а в село.

Показательно, что как только по весне наступает пора вспахивать огороды, дед Сашка сразу обретает полное свое имя, каковое прямо сродни титулу, становясь в одночасье ни много ни мало – Александром Ивановичем. А все потому, что единственный имеет в родном селе тяглого мерина, состоящего на учете в лесобазе. Расплата за тягловую силу идет известной российской жидкой живительной «валютой». В итоге каждая весенняя страда становится для деда Сашки очередной попойкой, пока однажды он не решает переосмыслить свою жизнь и перво-наперво отказать от спиртного как фактора, мешающего этому переосмыслению.

Что такое жизнь деда Сашки? Обычная жизнь русского советского человека. Внешние обстоятельства этой жизни даже почетны. Дед Сашка – фронтовик, во Вторую мировую войну дошел до Померании и, несмотря на ранения, не помер там, а остался жив. Вернулся домой, воспитал и вывел в люди пятерых детей. Так что же тревожит и гложет деда Сашку? Вот она, вечная загадка русской души, вечный поиск смысла жизни...

А между тем в поселке начинают происходить события просто фантастические. Сосед вдруг находит на своем участке источник целебной воды, которая исцеляет от всех недугов, включая даже тягу к спиртному. А еще эта водица дарит вторую молодость всякому, кто ее отведаст. Другой сосед, бывший горожанин, сбежавший от благ цивилизации, в том числе и от жены, и ставший на деревне первым парнем и завидным женихом, от живой воды в одночасье помолодел, однако исчез источник – и человека, лишенного корней в земле, где бил родник, не стало...

О повести «Живая вода» написано много, не читал ее редкий читатель, потому пересказывать повесть – занятие ненужное. Но вот задаться вопросом, что такое есть живая вода, нелишне. И делать это надо время от

времени каждому человеку и каждому поколению читателей, потому что есть истины, которые нельзя получить в готовом виде, каждое поколение и каждый человек призваны открыть их для себя самостоятельно. Вроде бы ответ очевиден: живая вода – образ неиссякаемой чистоты и красоты, ведь в финале автор приводит нас к лесному роднику, отражающему небо. Но эту очевидность надо открыть не умственно, но – душой. «Живая вода» – художественное и образное исследование непостижимой русской души, о которой много говорят, но очень мало произведений, не просто коснувшихся этой темы, но этой темой пронизанных и пропитанных...

Уроженец древней Вятки, про которую пословица гласит, что Вятка – всем русским городам matka, Владимир Николаевич не ограничивается вниманием лишь к неповторимому вятскому-хватскому характеру, хотя и явно считает его одной из квинтэссенций русского видения мира. Через особенности вятского характера он выводит нас на такие художественные обобщения, что его произведения с одинаковым интересом читают и вятчане, и волжане, и сибиряки, и жители южных регионов России...

И не могу не сказать в этом эссе немного о женщине, которая обычно находится в тени всякого выдающегося человека. О жене. «Благословил его (*Крупина – Э.А.*) Создатель, послав ему в супруге клад». Никто не станет оспаривать, что мировая слава Достоевского или Толстого немало обусловлена самоотверженностью их жен, удивительным умом и пронизательностью этих женщин, понимавших, какая миссия им выпала – стать спутницей жизни, вдохновительницей-музой и верным помощником выдающегося писателя.

С Надеждой Леонидовной Владимир Николаевич живёт уже 55 лет! Дочь фронтовика, штурмана тяжелого бомбардировщика, и фронтовички, что работала в штабе соединения, Надежда Леонидовна сразу после школы подала документы в педагогический институт. Отлично сдала все вступительные экзамены, и лишь один экзамен, сданный на четыре, не позволил ей набрать проходной балл в институт, где был огромный конкурс, столь велика была престижность профессии учителя.

Пришлось Надежде идти на вечерний факультет, и лишь на следующий год она перевелась на дневное отделение. Учитель по призванию, она проработала в школе 20 лет. На протяжении трех десятков лет практически в одиночку издавала всероссийский журнал «Литература в школе» и приложение к нему «Уроки литературы». То есть фактически 24 журнала в год!

До встречи со своей Надеждой Володя Крупин, по его собственному признанию, был очень влюбчив, что неудивительно, ведь начинал он как поэт-лирик. Вот такими, к примеру, стихами:

*Апрель для зимы горек,
вода пропалину вымыла,
поляна ладошку-пригорок
из варежки снежной вынула.
Листок одеяльцем стелет.
Но разве сладишь с ребёнком:
проснулся, на нитке стебля
мотает своей головенкой.
Расправила хрупкие плечи
его двухнедельная участь,
я старше его и крепче,
но мне бы его живучесть.*

Впрочем, влюбчивость не мешала Володе Крупину совмещать учебу в Московском пединституте с работой, от которой он даже порой на лекциях засыпал от усталости. Влюбчивость не мешала ему учиться на удивление легко и радостно. Скорее наоборот: влюбчивость помогала его культурному развитию. Увлекающийся влюбчивый Крупин с одной сокурсницей ходил на концерты в зал Чайковского. С другой посещал Третьяковку. С третьей подружкой бывал в Пушкинском музее...

С улыбкой отдадим должное разносторонности интересов будущего выдающегося прозаика. Когда позже Крупин напишет о своей романтической юности повесть «Прости, прощай» и отдаст ее в рукописи для прочтения великому Василию Белову, тот сурово посоветует молодому талантливому коллеге: «Девчонок убавь!».

Надежда Леонидовна, полагая при знакомстве, что станет мечтой поэта, на поверку стала мечтой прозаика. А познакомились они очень романтично: на картошке, когда советских студентов по традиции послали на помощь сельчанам убирать урожай. На реке Оке, сидя у костра, Крупин впервые увидел свою Надежду, дотоле им не виденную.

Вот тут и выяснилось, что увлекающийся Крупин – по жизни однолюб. До того однолюб, что сразу позабыл ради своей Нади, жившей на далекой окраине Москвы, про потенциальных невест с квартирами в центре столицы. И каждый Божий день ездил до далекой Лосиноостровской станции, откуда было еще шагать и шагать на свидание с любимой. Случалось, даже в билетном зале ночевал ради того, чтобы лишний раз побыть со своей Надеждой, которая в свою очередь оказалась сродни жене декабриста.

Когда поженились, она годами терпела огорчения, бедность, идейные и духовные искания мужа, когда в голодные постперестроечные 90-е годы он наотрез отказывался от литературных премий в то время, как другие коллеги, куда менее талантливые, не чаяли протиснуться в премиальные списки.

У Владимира Николаевича и Надежды Леонидовны есть дочь Екатерина, выпускница МГУ. Она давно живет за границей, замужем за православным человеком. Ведет очень посещаемые и популярные просветительские сайты. Сын Владимир имеет два высших образования – социолог и психоаналитик. Подрастают внучка Анна и внук, по семейной традиции носящий имя Владимир. Живая вода православных устоев да хранит эту семью и впредь, ведь эта семья – родная почва, на которой родится живое самоцветное крупинское слово...

Дай Господь ему здоровья, и здоровья его ангелу-хранителю, жене Надежде Леонидовне!

А новыми книгами он нас, своих читателей, еще порадует.